

— **Марк Григорьевич**, в одной статье, посвященной спектаклю «Убийство в храме...», вы пишете, что, может быть, это самое значительное из театральных произведений, поставленных вами когда-либо...

— Вы знаете, не пристало мне самому что-либо оценивать и манифестировать, однако, скажем, такие спектакли, как «Бедная Лиза», «История лошади», «Убивец», «Пир во время чумы», «Фокусник из Люблина» и даже «Дядя Ваня», трактовавшие проблемы греха и насилия, страдания и веры, выстроенные в репертурную линию, требовали какого-то итогового произведения, мощь которого определялась бы абсолютным духовного поиска. Вот эти поиски и вывели нас на спектакль «Убийство в храме. Репетиция...», — памяти отца Александра Менья, злодейски убиенного ровно 10 лет назад.

Судьба отца Александра — пример жизни и смерти во имя людей, во имя Бога. Нас терзал и влек к себе высокий смысл мученичества. Нам важно было постичь и себя в этой трагической истории, у которой так много версий, но истина скрыта в ней одна: человек — не пыль, если он одухотворен. Нам важно знать не только то, кто убил Александра Менья и кто заказал его убийство, но и почему его убили, почему его надо было казнить. В спектакле затрагиваются глобальные темы человеческого существования. Здесь обозначаются те ценности, которые наше общество стремительно теряет или уже совсем потеряло.

— А может, все-таки не совсем потеряло? Сегодня освящается храм Христа Спасителя, выходят толстые журналы, продолжается культурная жизнь...

— Да, мы с вами говорим в день Преображения Господня, когда освящается храм, но именно в этот день в подводной лодке «Курск» гибнут люди. Для меня эти вещи, казалось бы, никак между собой не связанные, соединяются в одной точке. Я вижу в трагедии с «Курском» не только чисто технологические проблемы отказа каких-то механизмов на подводной лодке, первопричина этой драмы в другом: в безнравственности и безответственности. Точнее, в ответственности за безнравственность во всех слоях общества.

— Героям дадут награды, виновные будут наказаны...

— Видимость справедливости — еще не сама справедливость. Дело в том, что кошмары, нас преследующие, — пожары, катастрофы, разгул насилия, ксенофобия и прочие атрибуты сегодняшнего бытия — не случайны. Все связано в этом мире — за грехи полагается возмездие.

— Пример греха можете привести?

— Например, адмирал Б. придумал версию: столкновение с вражеским судном. Хорошо, тогда вопрос: чего стоит весь наш Северный флот, который находился рядом на учениях и не сумел даже запеленговать «обидчика»? Значит, одно из двух: или адмирал врет безбожно, или весь флот пусть вернет налогоплательщикам деньги, потраченные впустую. И какой умник из отцов-командиров послал многотонный крейсер на мелководье? От таких «защитников отечества» и надо бы Отечество защищать. А мы им собрались еще большие деньги давать! Спрашивается: а зачем? Зачем вообще нам эта машина, называемая ВПК, без всяких комплексов сидящая на заправке у всего народа России?

— Не боитесь, что вас обвинят в антипатриотизме?

— Может быть, внешне мой рассуждения и выглядят

антипатриотичными, однако они человечны, а значит, патриотичны. А мы... с кем воевать вздумали в Баренцевом море? Против какого воображаемого противника? Советская власть размахивала этими ядерными подлодками, подсылая их в те же норвежские и шведские фиорды. Там в ужас от нас приходили еще недавно! Так кто мы сегодня, неужели те же? Единственный несърыевой товар, который мы распространили по всему миру, — автомат Калашникова. Куда важнее, мне кажется, дать людям хлеб,

цатый век — подсчитано — Россия во всех катаклизмах потеряла девяносто миллионов человек. Теперь прибавьте к ним еще сто восемнадцать. А причина одна: кто-то считает, что цель оправдывает средства, и потому ценность человеческой жизни равна нулю. Кстати, нераскрытость убийства отца Александра тоже диагноз нашему обществу: мы больны. Пока неизлечимо.

— О духовности говорят сейчас много — и правительство, и чиновники. Но почему

же еще и поливаем грязью и опять же бесстыдно, но очень горделиво кричим, что он вообще чуть ли не захватить нашу страну собирается. Вот это нормально теперь, по-нашенски — брать деньги и плевать в человека, который тебе хочет помочь. И это называется патриотизмом?

— Да, полтора года назад мы получили бумажку, в кото-

ное, наконец, театру. И не хватает каких-то мизерных в сравнении с расходами на другие московские дела средств, чтобы это помещение отремонтировать. Как говорится, шампанское пьем, а на спичках экономим!

— Все равно творческая жизнь театра продолжается, вот только что была блестящая премьера, наверняка еще что-то ожидается в ближайшее время?

— Сейчас я сделал себе подарок — ставлю «Вишневый сад». Знаете, когда режиссер

душевных болезней людей, в том, что происходит внутри каждого из нас. Почему сейчас так обесценены жалость и милость, почему гуманность сегодня становится посмешищем, почему люди, проповедующие насилие, — главные люди страны? Не поняв и не ответив на эти вопросы, не разобравшись, кто мы, зачем мы и для чего живем, из кризиса мы никогда не выйдем. Сегодня нам очень недостает живого вероучителя, такого, как отец Александр. Ведь отцы церкви давным-давно по всем важным вопросам, о которых мы сейчас говорим, уже высказались. Но мы оглохли, бедные, и в наших ушах звучит лишь одна тупая попка да реклама «Бери от жизни все», «Лучше жевать, чем говорить». За это, извините, и расплавива-

— В сценах, завершающих «Вишневый сад», все-таки есть некоторый оптимизм: старый сад срубили, но на его месте появляется что-то новое... Соответствует ли это хоть в какой-то степени вашему сегодняшнему мироощущению?

— Насчет оптимизма я с вами не согласен, это звучит даже издевательски, потому что вырубленный вишневый сад — это уже лесоповал. И символом России сегодня скорее является уже не вишневый сад, а именно этот страшный образ. И мы это прекрасно знаем, нам, вырубившим в XX веке все сады, останется только жизнь дикарей на пенечках. Вот об этой перспективе нас и предупреждает доктор Чехов. А слова о будущем можно говорить и выкрикивать с пенечков какие угодно, эта словесная вязь не должна обманывать. Ценности надо восстанавливать, ценности, которые должны проходить через сердце каждого человека.

— Марк Григорьевич, в репертуаре театра «У Никитских ворот» — классики и современники, авангардисты и драматурги, тяготеющие к традиции. А лично вам что ближе и интереснее — классика или авангард?

— Вопрос, что ближе, не верен по сути, мне близко все, что раскрывает человека. Здесь не должно быть какой-то рутинности, мы открыты для любого эксперимента. Но я считаю, что каждый автор право на свой эксперимент должен отложить, выстрадать, для этого должны пролиться пот, кровь и слезы. А у нас какой-то графоман схватился правой рукой за левое ухо, чего-то такое выкнул, и это уже называется экспериментом. Это какой-то детский сад литературы. Чтобы быть авангардистом, нужно жить, как Кафка, а если ты живешь комфортно, светишься на всех тусовках, возникаешь в лощеных журналах, если ты моден — какой ты Кафка? Ты ему в подметки не годишься изначально, потому что ты слышишь мир иначе, ты видишь совсем по-другому, ты выпендриваешься, и больше ничего, а Кафка не выпендривался. Он жил и умирал в своих фантазмагориях. В мировом театре опыты Беккета, Ионеско — это опыты крупных художников, которые свои духовные поиски облекли в совершенно свежую уникальную форму — сегодня уже классическую. Для того чтобы изобрести что-то новое сейчас, необходимо отключиться от многого в современной жизни. Мы же часто имеем дело с шарлатанами, делянами, превращающими свое псевдоноваторство в чисто коммерческий промысел. Подлинные новаторы, составившие цвет русского авангардизма серебряного века, были совсем не таковы, вспомните хотя бы желтую кофту Маяковского и его выстрел в конце пути.

— Есть ли какая-то логика в последовательности премьер, в том, что после «Убийства в храме...» идет «Вишневый сад»?

— Помните, один из чеховских персонажей говорит: «Вся Россия — наш сад», и заканчивается пьеса тем, что сад идет с молотка. Так что, сами понимаете, сейчас она, так же, как и «Убийство в храме...», не только актуальна, но, я бы даже сказал, злободневна. Пьеса доказывает и предупреждает, что причины всех наших бед заключаются не в неверных планах реформ или каких-то отсталых технологиях, а прежде всего в психологии, в

Марк РОЗОВСКИЙ:

КОГДА ВЫРУБАЮТ ВИШНЕВЫЙ САД, ПОЛУЧАЕТСЯ ЛЕСОПОВАЛ

Еще не начался в полную силу театральный сезон, а в театре «У Никитских ворот» премьера — «Убийство в храме. Репетиция...» — спектакль памяти Александра Менья, убитого десять лет назад. Сегодня на вопросы корреспондента «Новой газеты» отвечает руководитель театра Марк Розовский — режиссер и драматург, заслуженный деятель искусств России

масло, колбасу, квартиры... Медицину и культуру. Обществу нужна не просто конверсия, а духовная эволюция. Сегодня нужно поправить, спасти наш дух, наше мирознание. И армия должна его полностью разделять, офицеры должны знать, если хотите, философию своей профессии. А не будет этой философии и этой ответственности — будут у нас и дальше взрываться подводные лодки и падать самолеты, будут гибнуть мальчишки и расти производство цинковых тробов. И все мы будем и дальше красиво плакать на телеэкране крокодиловыми слезами. Но только после того, после...

— Откуда ваш пессимизм?

— Из истории. Войны, революции, 37-й год... За двад-

же так получилось, что спонсор вашего спектакля не какой-нибудь местный банк или коммерческая организация, а фонд Сороса?

— Потому что мы обратились в Институт «Открытое общество», и он нам помог. На деньги Сороса мы купили для театра потрясающую светоаппаратуру, и я могу только низко поклониться этому фонду за то, что он помог святому делу. А что касается других спонсоров, мы рады были бы принять их помощь, но, но... В том-то и беда, у нас на подводную лодку и учения хватает наскрести, а на толстые журналы, библиотеки, музеи и науку дает деньги Сорос. Хорошо устроились! А потом, когда Сорос приезжает сюда, мы его

ставит Чехова, он становится самым счастливым человеком на свете, поэтому мне сейчас хорошо.

— Есть ли какая-то логика в последовательности премьер, в том, что после «Убийства в храме...» идет «Вишневый сад»?

— Помните, один из чеховских персонажей говорит: «Вся Россия — наш сад», и заканчивается пьеса тем, что сад идет с молотка. Так что, сами понимаете, сейчас она, так же, как и «Убийство в храме...», не только актуальна, но, я бы даже сказал, злободневна. Пьеса доказывает и предупреждает, что причины всех наших бед заключаются не в неверных планах реформ или каких-то отсталых технологиях, а прежде всего в психологии, в

Фото Паэты АРЧАНДЖЕ

11.9.2000.

Розовский Марк Григорьевич

1571